

УДК 271.2 – 788 "18/19"

**РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ МОНАХОВ
МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
(ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

*канд. ист. наук Е. Н. БОРУН
(Полоцкий государственный университет)*

Дан анализ правового положения монахов мужских и женских православных монастырей белорусско-литовских епархий: Минской, Могилевской, Полоцкой, Литовской, Гродненской. Выявлены изменения правового статуса (юридически закрепленного положения в государстве и обществе) монашеского сообщества и монастырей белорусско-литовских епархий, характерные для периода второй трети XIX – начала XX в. Рассмотрены нормативно-правовые документы, регламентирующие процесс вступления послушников и послушниц в состав монашеской братии и организацию культовой и хозяйственной деятельности монастырей. Проведен анализ государственных законов, указов и определений Синода, Духовных консисторий позволивший определить изменения в положении монашеского сословия. Выявлена разница в правовом положении монахов в мужских и женских монастырях. Определен характер наград (канонических, литургических, внебогослужебных) и благодарностей Св. Синода и епархиального начальства православным монахам.

Ключевые слова: монах, монастырь, право, сословие, духовенство, награды, документы

Введение. Монастырь – это религиозная община монахов и монахинь, а также лиц, пришедших на послушание. По законодательству Российской империи, Закону о состояниях, все монашеские лица (принявшие постриг) причислялись к духовному сословию [1, с. 50]. Среди монашеского, или «чёрного», духовенства законом была выделена группа «духовных властей»: митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игумении и настоятельницы женских монастырей. Послушники (не принявшие постриг) составляли маргинальную группу, резерв пополнения монастырской братии. Относить их к черному духовенству нет никаких оснований, поскольку послушники не были связаны иноческими обетами и могли свободно оставить монастырь. Ряд положений законодательства существенно разделяло в правах и обязанностях эти категории лиц. Основными документами, регламентирующими права и обязанности, принимающих на себя монашеские обеты, являлись: Духовный регламент, Полные собрания законов Российской империи, Свод законов Российской империи, Указы святейшего Синода, Уставы духовных консисторий. Основным законодательным актом, регулирующим статус монашеского сословия, являлся Духовный регламент [2]. Дополнение к Духовному регламенту «О монахах» регулировало вопросы о пострижении в монашество, избрании настоятелей, правила поведения в монастыре. Единая правовая система окончательно сложилась после принятия в 1841 г. Устава духовных консисторий и его дополнения от 1883 г. [3]. На женское монашество распространялись те же положения, что и на мужское, с прибавлением ряда ограничительных условий. Так, Духовный регламент запрещал принимать в монашество лиц, не достигших 30 лет. Исключение составляли выпускники духовных семинарий и академий, которые могли быть пострижены с 25 лет, а также вдовы священники и диаконы. Однако пункты 42–43 предполагали пострижение для вдовы женщин при достижении 60 лет, а девиц – при достижении 50 лет [2, с. 126]. В 1832 г. это правило было смягчено, и постриг для женщин стал разрешенным с 40-летнего возраста.

До 1906 г. действовала усложненная процедура поступления в монашество для лиц податных сословий – мещан и крестьян. Они получали увольнение от своего общества и приравнивались к уволенным из крестьянских и мещанских обществ для поступления в учебные заведения. Если они не выдерживали послушнического искуса и решали отказаться от пострига, то возвращались в свое изначальное сословие. При увольнении в отпуск лиц, находившихся на послушании, на срок более 4 месяцев или за границу, монастырское начальство возвращало им документы, выданные от гражданского начальства, по которым они были приняты в монастырь [4, л. 4]. В монастырях вели журналы регистрации прихода и ухода из монастыря монашеских и послушников. Чаще всего в журналах фигурируют краткосрочные уходы на 3, 4 часа. Частые причины отлучек – за покупками, визит к доктору, к родителям [5, л. 1–2]. Указами Св. Синода от 9 сентября 1873 г. и духовной консистории от 16 апреля 1896 г., циркуляром обер-прокурора от 4 декабря 1874 г. послушникам монастырей был строго запрещен сбор подаяний вне стен монастыря, так как духовные консистории имели право выдавать паспорта лицам духовного сословия, которыми до принятия пострига послушники не являлись [6, л. 1].

Если послушники были «замечены в несвойственном иноческой жизни поведении», то настоятель обязан был немедленно удалить их из монастыря [7, л. 4]. Состав и количество неуказных послушников постоянно менялся, и эта ситуация была характерна для всех монастырей. В «Книге записи вида на жительство» послушников Витебского Троицкого монастыря за 1913–1914 гг. зафиксировано, что в 1913 г. из 28 человек, прибывших в монастырь на послушание, через год выбыло 17. В 1914 г. из 36 человек выбыло 23 [8, л. 1 об. – 12]. Для «примера и руководства» 30 июля 1841 г. Св. Синодом были разосланы по всем православным монастырям правила о принятии и пострижении послушников и послушниц, принятые в монастырях Московской епархии. Указы Св. Синода от 30 апреля 1873 г., 9 сентября 1873 г. и 19 октября 1871 г. обязывали монастырское начальство строго контролировать поведение желающих принять постриг [9, с. 61–63].

Основная часть. Монахи как отрекшиеся от мира были ограничены в своих гражданских и государственных правах. Монах не должен был владеть недвижимым имуществом. При пострижении права на имущество передавались наследникам. При выходе из монашества оно не возвращалось. Монах необщежительного монастыря мог иметь денежные вклады в банках, но после его смерти они обращались в пользу монастыря. Монастырь также наследовал движимое имущество монаха. Представители духовных властей были более свободны в завещании движимого имущества. По статьям 1025, 1086, 1087 Законов Гражданских, архиереи, архимандриты необщежительных монастырей имели право пользования и распоряжения своим капиталом и движимым имуществом [10, с. 127]. Статья 257 Свода законов 1842 г. духовным властям разрешала составлять завещания. Например, заштатная игуменья Александра, проживавшая в Оршанском монастыре, составила завещание, по которому ее движимое имущество после смерти передавалось частным лицам и монастырю. Три иконы и крест завещался монахини Ксанфии, шуба лисья – племяннику Льву Кутневичу, три пчелиных улья – монахиням Неофите, Филарете, Ксанфии, два улья и самовар – монастырю. Денежные средства в размере 65 руб. оставлены в монастыре на погребение [11, л. 1–4 об.]. Монахи были ограничены в избирательном праве, так как Положение о выборах требовало от избирателей владения определенным имущественным цензом, а монашествующие не владели недвижимостью, вознаграждение за исполнение треб и содержание от казны не могли служить цензом. Исключением было предоставление по указу № 421 1907 г. епископам, получающим содержание по службе архиерея, пользоваться избирательным правом по п. 6 ст. 33 Положения о выборах [10, с. 126–127].

Каждый из вступивших в братию необщежительного монастыря обязан был сделать денежный взнос. Игуменья Нина (Боянус), начальница Полоцкого Спасо-Евфросиниевского епархиального училища, в своих письмах вспоминает: «За «гощение» в монастыре полагалось вносить 25–30 руб. в месяц. Вклад при вступлении – добротный <...>. В монастыре трудно не иметь своей копейки» [12, с. 74–76]. В Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре в 1843 г. капитал из сумм взносов составил 2405 руб. [13, л. 5 об.]. Монахам необщежительных монастырей разрешалась на собственные средства строить кельи там, где это допускалось местным монастырским уставом [14, с. 68]. Например, в Мозоловском Вознесенском монастыре послушницами А.А. Длотовской, Т. Арбузовой и настоятельницей Иоаникеей на собственные средства были построены деревянные флигели [15, л. 2 об. – 4, 7; 16, л. 2 об., 8].

После принятия пострига, большая часть монахов мужских монастырей посвящалась в сан иеродьяконов, а затем иеромонахов. Иеромонахи представляли собой верхний слой в иерархии мужского монастыря. Их главным занятием в монастыре было совершение богослужений и исповеди богомольцев. Они получали большее жалование из штатной суммы и большую часть при разделе братской кружки, чем иеродьяконы, монахи и послушники. Иеродьяконы были главными кандидатами на принятие сана иеромонаха [7, с. 130]. Очень немногие монахи и монахини достигали высшей ступени монашеского служения – великой схимы. Посвящаемые в схиму давали новые обеты, принимали новое имя и облачались в схимнические одежды. В православных монастырях на территории Беларуси случаи принятия схимы были редки. В Чонском монастыре в 1840 г. проживал 91-летний иеросхимонах Порфирий, белорус по национальности. В схиму он был пострижен в 1827 г. в Оршанском монастыре. До пострижения Порфирий два года проживал в Софронево пустыни Курской епархии для назидания в схимонашестве [18, л. 2 об. – 3]. Схиму в 1910 г. приняла игуменья Чонского женского монастыря Валерия (в схиме – Анна, в миру – дворянка Варвара Александровна Тарнивская). Она с 14 февраля 1900 г. по 30 января 1910 г. являлась настоятельницей Чонского монастыря, а до этого с 1889 г. возглавляла братию Елецкого женского монастыря [19, л. 149]. В Витебском Марковом монастыре в 1912 г. один иеромонах был рукоположен в схиму [20, л. 19]. В Бельничском мужском монастыре проживал монах-отшельник, для которого в 1914 г. был построен отдельный домик в монастырском саду [19, л. 18].

По Духовному регламенту и статьям 74, 75, 81 Устава о паспортах для временных отлучек монашествующие должны были получить паспорт с обозначением срока и места отпуска. Определение Св. Синода 1722 г. и п. 30, 31 Духовного регламента запрещали монахам и монахиням «переходить из одного монастыря в другой, самовольно отлучаться из монастырей и волочиться без письменного вида по разным местам» [17, с. 131; 2, с. 122–123]. Духовным властям запрещалось выдавать паспорта монахам

для поиска места в монастырях других епархий. В пределах своей епархии они могли передвигаться «не иначе как для общественной нужды» с паспортом от настоятеля, в другие епархии – с паспортом, выданным епархиальным начальством [33, с. 232; 21, с. 239]. Срок увольнения в отпуск был ограничен 4 месяцами по указу Св. Синода от 30 апреля 1874 г. № 17. О своевременном возвращении настоятель докладывал в консисторию [22, с. 253; 4, л. 4]. Монахи брали отпуск редко, некоторые не пользовались им в течение всей жизни в монастыре. Как правило, причиной отлучки была поездка на богомолье или свидание с родными [23, л. 1, 4].

В архивных документах, касающихся православных монастырей белорусско-литовских епархий, изученных нами в процессе исследования, крайне редко встречаются случаи сложения монашеского сана. В Гродненской епархии с 1903 по 1914 гг. лишь один иеромонах был лишен духовного сана и то по собственному прошению [24, л. 5]. Законодательство предусматривало такую возможность. Сложение монашеского сана проводилось по прошению монаха после 6 месячного увещания с разрешения Св. Синода на основании особого постановления [33, с. 233; 1, с. 47]. Уволенные из монашества возвращались в то состояние, к которому принадлежали по рождению, без возврата преимуществ, чинов и отличий, какие ими были приобретены до пострижения [14, с. 67]. Таким лицам запрещалось поступать на государственную службу и проживать в столицах и в тех губерниях, где проходило их монашеское служение в течение семи лет [25, с. 126]. Если монах лишался сана по приговору духовного суда за поступки и преступления, оскорбляющие монашеское звание, то ему навсегда запрещался въезд в столицы и приписка к городским и сельским обществам в той губернии, где он монашествовал. За нарушение данных правил лица карались ссылкой в Сибирь [14, с. 67]. Так, иеродьякон Пинского мужского монастыря Минской епархии, Модест, в 1885 г. был лишен сана и отправлен в ссылку в Томскую губернию за совершение кражи со взломом [26, л. 31 об.].

В зависимости от разряда монастыря по штатному расписанию во главе обители стоял настоятель, который имел сан игумена или архимандрита. В монастырях первых и вторых классов настоятели посвящались в архимандритский сан, а в третьеклассных монастырях – в игумены. Лишь по усмотрению Св. Синода для торжественности церковного служения, в губернских и других значимых городах, настоятелей монастырей третьего класса вместо сана игумена разрешалось посвящать в архимандриты, но с игуменским окладом. Настоятельницы женских монастырей имели сан игуменьи. В некоторых монастырях настоятель имел звание строителя. Как правило, строители возглавляли маленькие заштатные обители [27, с. 14].

Настоятель монастыря не должен был быть моложе 33-х лет и состоять ранее в браке. Настоятель (настоятельница) представлял интересы монастыря, возглавлял братство монашествующих, руководил жизнедеятельностью монастыря (богослужениями, духовно-нравственной стороной, хозяйственными делами), принимал паломников и других посетителей. Настоятели и настоятельницы монастырей систематически должны были представлять в духовную консисторию своей епархии ведомость о монашествующих и послушниках со сведениями об их поведении.

Монашествующие лица, усердно служащие своему делу, могли быть награждены Св. Синодом по представлению епархиального начальства [33, с. 234]. Список наград в рассматриваемый период можно разделить на три группы: 1) канонические – возведение в определенный сан; 2) литургические – отличия духовных лиц при совершении богослужения и в деталях богослужебного облачения; 3) внебогослужебные. Поводом к награждению являлась, как правило, юбилейная дата, причиной – активная миссионерская, общественная, просветительская деятельность [28, с. 54]. Одни награды присваивались монашествующим Св. Синодом, другие – императором. Награждали по преимуществу настоятелей монастырей. Простое монашество было практически лишено возможности получения наград. Монахи получали медали и ордена лишь в исключительных случаях. Например, иеродьякон Витебского Маркова монастыря Владимир Фирсов за спасение утопающего был награжден серебряной медалью для ношения в петлице на Владимирской ленте [29, л. 27–28]. Благодичный Витебского Маркова монастыря, иеромонах Андрей, был награжден Георгиевским крестом IV степени за самоотверженную работу на позициях в Русско-японскую войну, бронзовым знаком и медалью Трехсотлетия Дома Романовых [30, л. 3 об. – 4].

В ведении Св. Синода находились канонические символы отличия: возведение монаха в иеромонахи, игумены; игумена – в сан архимандрита. Каждая кандидатура одобрялась императором. В православных монастырях на территории Беларуси встречались случаи возведения в сан архимандритов настоятелей третьеклассных монастырей, но для этого необходимы были веские основания. За заботу «об обустройстве и благолепии Макарьевской Единоверческой обители, с употреблением 1613 руб. собственных средств», настоятель Гермоген по указу Св. Синода от 28 декабря 1850 г. № 13401 был возведен в сан архимандрита [31, л. 1–2]. После указа 1823 г., по которому разрешалось монахов, не являющихся настоятелями, но отличающихся ученостью, удостоивать сана архимандрита, организовалась особая группа ученого монашества. Например, ректоры духовной семинарии имели сан архимандрита [25, с. 130–131]. За заслуги по духовному ведомству монашествующие, не являющиеся настоятелями, могли быть удостоены сана игумена. Большинство из них исполняли в монастырях должности казначеев,

наместников и начальников духовных училищ [32, л. 2 об. – 5; 33, с. 108; 34, л. 4]. К примеру, саном игумена были награждены казначей и наместники: Пинского Богоявленского мужского монастыря – Ириней (Игнатий Киржевский), Могилевского Братского Богоявленского монастыря – Ефрем, Бельничского Рождества-Богородицкого мужского монастыря – Арсений, Витебского Маркова монастыря – Иезекиил (Иван Яковлевич Новиков) [34, л. 5–6; 19, л. 8, 28].

Епархиальное ведомство использовало награды, которые выдавались с разрешения императора (орден Св. Владимира, Св. Анны, наперсные кресты, камилавки, скуфьи, набедренники). За пожалование и пересылку наград, награжденные должны были вносить плату (например, за орден Св. Анны III и II степени – 15–20 и 35 руб. соответственно) [28, с. 60–61]. Одной из первых литургических наград, которую получали монахи мужских монастырей за продолжительное служение, был набедренник [35, л. 5–6; 36, л. 4]. Камилавки, фиолетовые скуфьи присваивались по указу епархиального архиерея за исполнение пастырских обязанностей, обучение юношества, «усердие и полезные действия на пользу православной церкви» [37, л. 6; 38, л. 61].

Св. Синод деятельность настоятельниц женских монастырей отмечал золотым наперсным крестом. Такой крест имели игуменьи Спасо-Евфросиниевского монастыря Евфросиния (Сербинович) и Екатерина (Мартусевич) [38, л. 47, 50; 29, л. 18]. За усердную службу и примерный образ жизни золотым наперсным крестом также награждались настоятели и иеромонахи мужских монастырей [39, с. 57–58; 29, л. 10; 36, л. 4]. В частности, в 1893 г. был награжден архимандрит Илларион, настоятель Витебского Маркова монастыря, за усердную и полезную пятидесятилетнюю службу и труды по благоустройству обители, пожертвовав на ее нужды свыше 12000 руб. из собственных средств [40, л. 41].

Императорский орден Св. Анны вручался за длительную и безупречную государственную службу. Монашествующие получали его, как правило, за выслугу лет (12-летний срок службы – орден III степени). Кроме того, его присваивали за особые достижения, к примеру, за сооружение церквей на собственные средства или собранные пожертвования, учреждение и содержание более 7 лет на собственные средства при монастыре больницы, богадельни, училища более чем на 20 человек [41, л. 76–77]. Награждение орденом Св. Анны было широко распространено среди монашествующих белорусских православных монастырей. За усердную службу орденами Св. Анны II, III степени и Равноапостольного князя Владимира IV степени были награждены настоятели Полоцкого Богоявленского, Витебского Маркова, Тадулинского Успенского монастырей [35, л. 8; 42, с. 358; 43, с. 412; 44, с. 62–64; 29, л. 22–23; 45, с. 121–125].

Архимандрит Сергей (Николай Тимофеевич Певницкий), указом Св. Синода от 28 февраля 1894 года № 933 назначенный настоятелем Полоцкого Богоявленского монастыря и благочинным монастырей, за годы службы имел награды: наперсный крест, набедренник, знак Красного Креста, орден Св. Анны II, III степени, орден Св. Владимира IV степени, золотую медаль в память окончания и освящения храма Христа Спасителя. Получил в 1895 году благодарность Св. Синода, а в 1896 году – орден Св. Владимира III степени.

Архимандрит Павел, настоятель Витебского Марковского Троицкого монастыря, являлся присутствующим в Полоцкой Духовной консистории, попечителем Полоцкого епархиального попечительства, членом комитета по устройству домов для епархиального преосвященного, консистории и певчих. В 1841 и 1846 году был членом временного ревизионного комитета по проверке отчетов Витебского и Полоцкого духовных училищ. Член комитета по перестройке иезуитского костела в кафедральный собор, член Витебского губернского тюремного комитета и член Полоцкой Духовной консистории, член Витебского губернского комитета, учрежденного для действий против холеры, благочинным над монастырями епархии. За годы службы имел награды: орден Св. Анны II, III степеней, золотой наперсный крест, украшенный бриллиантами, бронзовый наперсный крест в память военных действий 1833 – 37 годов.

В качестве награды следует отметить благодарности и благословения, которые получали монашествующие от епархиального ведомства, императора и губернатора. Св. Синод неоднократно посылал монашествующим благословения за их службу. Настоятельницы женских монастырей чаще всего награждались за ревностное служение, заботу о женском образовании, усердие в пользу школ. Например, синодальное благословение получили настоятельницы Полоцкого Спасо-Евфросиниевского, Тадулинского, Мозоловского и Тупического монастырей, игуменьи Евгения (Говорович), Аристоклия, Мария [46, л. 75 об., 125 об.; 47, л. 8 об.]. Благодарности и благословения от епархиального начальства в своих послужных списках имели настоятели мужских монастырей, в частности, Невельского, Махировского, Вербиловского [46, л. 64–64 об.; 37, л. 26; 38, л. 19; 48, л. 8–9].

Монахинь и настоятельниц женских монастырей за усердие в деле организации церковно-приходских школ награждали Библией из Св. Синода. Награждены Библией были казначей Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря, монахиня Нина (Боянус), и настоятельница Тадулинского монастыря, игуменья Аристоклия (Любовь Петровна Маевская) [49, л. 48, 83 об. – 84].

Настоятели и иеромонахи монастырей получали медали в честь памятных событий. Например, серебряную медаль на Александровской ленте в память императора Александра III и серебряную медаль на двойной Александровской и Владимирской ленте в память императора Николая I [46, л. 61 об.–65].

Также распространенными наградами среди монашеского сословия являлись: медаль в память войны 1853–1856 гг. (на Владимирской ленте), знак и медаль в память 300-летия царства Дома Романовых [35, л. 7; 38, л. 7]. В Витебском Марковом монастыре знаком и медалью была отмечена вся старшая братия во главе с настоятелем, архимандритом Порфирием [30, л. 1–5].

Со стороны епархиального начальства встречались денежные поощрения духовенству. Так, архиепископ Полоцкий Василий, посещая Полоцкое Спасо-Евфросиниевское училище в 1861 г., в благодарность за труды по организации обучения, наградил учительницу, монахиню Екатерину Корнашевскую, 20 руб. серебром [50, л. 21 об.]. Настоятельница Мозоловского и Тупического монастырей, игуменья Анастасия (Анна Михеевна Чернявская), в 1878 г. получила денежную награду от государыни Марии Александровны в размере 50 руб. [51, л. 4].

Заключение. Таким образом, анализ государственных законов, указов и определений Синода, Духовных консисторий позволил определить изменения в правовом положении монахов православных монастырей. Законодательство Российской империи регламентировало права и обязанности монашествующего сословия, позволяло осуществлять контроль и руководство их деятельности, способствовало усилению дисциплины и ответственности монашествующих. Законодательством Российской империи было закреплено деление монашествующего сообщества на три группы: духовные власти, монахи и послушники. За усердное служение своему делу монашествующие белорусских монастырей имели награды и благодарности Св. Синода и епархиального начальства, а также различные ордена и медали, существовавшие в тот период. Поводом к награждению являлась, как правило, юбилейная дата, причиной – активная миссионерская, общественная, просветительская деятельность. Среди наград монашествующих наиболее часто упоминаются камилавки, наперсные кресты, скуфьи. Св. Синод поощрял монахов возведением в сан, вынесением благодарностей и благословений. Самыми распространенными наградами, выдаваемыми с разрешения императора за деятельность на государственной службе, являлись ордена Св. Анны и Св. Владимира. Среди награждаемых лиц православных монастырей белорусских губерний доминировали представители монастырского руководства – настоятели, наместники, казначеи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свод законов о состояниях. – Кн. 1: О разных родах состояний и различии прав, им присвоенных. Разд. 2. О духовенстве. Отд-е 2-е. О православном духовенстве монашествующем. Отделение четвертое. О сословиях духовенства Православного. 1904 г. // Полный свод законов Российской империи. / под ред. Г. Савича. – Т. 9. – Ч. 1. – № 409–425; 432–442. – С. 47–50.
2. Духовный регламент тшанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, имп. и самодержца всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского Духовного Чина и Правительствующего сената, в царствующем СПб., в лето от Рождества Христова 1721, сочиненный. – 4-е изд. – М.: Синодальная тип., 1897. – 196 с.
3. Высочайше утвержденный Устав Духовных Консисторий. 27 марта 1841 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Т. 16. – Отд. 1. – № 14409. – С. 221–263.
4. НИАБ. – Ф. 2617. Оп. 1. Д. 639. Указы ПДК от 11 июня и 8 октября 1873 г. о порядке поступления лиц в число послушников и запрещении им самовольных отлучек из монастыря.
5. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 948. Журнал регистрации прихода и ухода из монастыря монашествующих и послушников за 1902 год.
6. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 755. Дело по указу ПДК о запрещении послушникам сбора пожертвований в пользу монастыря.
7. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 557. Дело о получении и исполнении указа Синода о правилах принятия в монастыри послушников.
8. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 658. Книга записи вида на жительство послушников Витебского Троицкого монастыря за 1913–1915 гг.
9. Жудро, Ф. А. Буйничский Свято-Духовский монастырь, Могилевской епархии / св. Ф. Жудро. – Могилев: Скоропечатня и литография Ш. А. Фридланда, 1904. – 88 с.
10. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания ... за 1913 г. – 1915. – 142 с.
11. НИАБ. – Ф. 2315. Оп. 1. Д. 155. Дело о смерти игуменьи Александры.
12. Игуменья Нина. Наши беседы о жизни. Жизнеописание, письма, воспоминания – Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь / игум. Нина (Боянус). – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. – 208 с.
13. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 25. Дело о проверке ПДК ведомостей о капиталах бывшей настоятельницы Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря Иннокенты и его монахинь.
14. Федоров, В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. / В. А. Федоров. – М.: «Русская панорама», 2003. – 430 с.

15. НИАБ. – Ф. 2314. Оп. 1. Д. 28. Клировая ведомость Мозоловского монастыря за 1856 год.
16. НИАБ. – Ф. 2314. Оп. 1. Д. 34. Клировая ведомость за 1865 год.
17. Балашова, Т. В. Московские монастыри в социально-культурной среде столичного города второй половины XIX – начала XX века : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02 / Т. В. Балашова. – М., 2007. – 248 с.
18. НИАБ. – Ф. 3023. Оп. 1. Д. 71. Ведомости о земельных владениях и хозяйстве монастыря и послужные списки монахов и послушников за 1840 г.
19. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 716. Клировая ведомость монастырей гг. Могилева, Мстиславля и Орши и уездов Быховского, Гомельского, Могилевского, Мстиславского, Сеннинского и Чериковского за 1916 год.
20. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 650. Клировые ведомости Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря за 1864 г. и описи имущества келий и иконостаса Витебского Троицкого Маркова монастыря за 1912 год.
21. Завьялов, А. Циркулярные указы Святейшего правительствующего Синода, 1867–1895 гг. / А. Завьялов. – Изд-е неофиц. – СПб. : Типо-литогр. И. А. Фролова, 1896. – 282 с.
22. Иноепархиальные распоряжения // Могилевские епархиальные ведомости. – 1884. – № 12 (отделение неофициальное). – С. 253.
23. НИАБ. – Ф. 2308. Оп. 1. Д. 314. Дело о назначении игумена Могилевского Архиерейского дома Флавиана исполняющим обязанности настоятеля монастыря в связи с поездкой архимандрита Леонида в Киев.
24. РГИА. – Ф. 796. Оп. 440. Д. 974. Статистические ведомости о монастырях Гродненской епархии 1903–1914 гг.
25. Зырянов, П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX в. / П. Н. Зырянов. // Вест. Рос. гуманитар. науч. фонда. – 1996. – № 3. – С. 124–131.
26. РГИА. – Ф. 796. Оп. 442. Д. 1084. Отчет о состоянии Минской епархии за 1885 г.
27. Зырянов, П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века / П. Н. Зырянов. – М. : Вербум-М, 2002. – 319 с.
28. Морозько, Е. В. Минская православная епархия в социально-культурной жизни Беларуси (1861–1905 гг.) / Е. В. Морозько. – Минск : Изд. ц-р БГУ, 2012. – 191 с.
29. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 377. Клировые ведомости монастырей за 1852–1853 гг.
30. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 1004. Послужной список настоятеля и братии монастыря за 1913 г.
31. НИАБ. – Ф. 3023. Оп. 1. Д. 216. Послужные списки монахов и послушников монастыря за 1858 год.
32. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 970. Послужной список монашествующих и послушников монастыря 1906 год. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания ... за 1913 г. – 1915. – 142 с.
33. Высочайшие награды за заслуги по духовному ведомству // Полоц. епарх. ведом. – 1903. – № 11 (отдел официальный). – С. 108.
34. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 30599. Дело о монашествующих и послушниках за 1863 год.
35. НИАБ. – Ф. 2562. Оп. 1. Д. 447. Клировая ведомость монастыря и его церквей за 1880, 1883 г.
36. НИАБ. – Ф. 2898. Оп. 1. Д. 1. Клировая ведомость Покровской церкви Вербиловского монастыря за 1864 г.
37. НИАБ. Ф. 2694. Оп. 1. Д. 522. Клировые ведомости монастырей: Полоцких, Невельского, Вербиловского и Тадулинского за 1890 г. Рапорт благочинного монастырей епархии Полоцкой и Витебской (за 1890 г.) о состоянии монастырей епархии.
38. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 470. Клировые ведомости монастырей: Тадулинского, Махировского, Невельского, Полоцкого Богоявленского, Спасо-Евфросиниевского, Вербиловского, Борисоглебского за 1858–1859 гг.
39. Высочайшие и синодалные награды // Могилев. епарх. ведом. – 1884. – № 11 (часть официальная). – С. 57–58.
40. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 459. Входящие документы за 1888 год. Послужные списки настоятеля монастыря архимандрита Иллариона за 1887–1888 гг.
41. НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 23. Указы Св. Синода за 1852–1873 гг.
42. Список священнослужителей Полоцкой епархии, удостоенный в 1 день апреля 1879 г. Высочайших наград за отлично-усердную службу по епархиальному ведомству // Полоц. епарх. ведом. – 1879. – № 11 (отдел официальный). – С. 358–359.
43. Высочайшие награды // Полоц. епарх. ведом. – 1897. – № 10 (отделение официальное). – С. 412.
44. Сергей, иеромонах. Описание Маркова монастыря / иеромонах Сергей // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год. – 1865. – Ч. 1. – Отд. исторический. – С. 3–75.
45. Морель, А. Архимандрит Сергей Певницкий. Некролог / А. Морель. // Полоц. епарх. ведом. – 1897. – № 3 (отдел неофициальный). – С. 121–125.

46. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 551. Клировые ведомости монастырей за 1898 г.
47. НИАБ. – Ф. 2314. Оп. 1. Д. 51. Клировая ведомость Мозоловского и Тупического Свято-Духова монастырей за 1886 г.
48. НИАБ. – Ф. 2898. Оп. 1. Д. 2. Клировая ведомость Вербиловского монастыря за 1884 г.
49. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 620. Дело о представлении настоятелями ведомостей о состоянии монастырей за 1904 год.
50. НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 40. Отчет архиепископа Полоцкого и Витебского Василия о состоянии епархии за 1861 год.
51. НИАБ. – Ф. 2314. Оп. 1. Д. 55. Клировая ведомость Мозоловского и Тупического Свято-Духова монастырей за 1890 г.

Поступила 13.12.2019

**REGULATION OF THE LEGAL PROVISION OF MONKS
MEN AND FEMALE MONASTERIES IN THE TERRITORY OF BELARUS
(SECOND THIRD XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)**

A. BARUN

The analysis of the legal status of the monks of male and female Orthodox monasteries of the Belarusian-Lithuanian dioceses: Minsk, Mogilev, Polotsk, Lithuania, Grodno. The change in the legal status (legally enshrined position in the state and society) of the monastic community and monasteries of the Belarusian-Lithuanian dioceses characteristic of the second third of the XIX - early XX centuries. The regulatory documents governing the process of entry of novices and novices into the monastic fraternity and the organization of the cult and economic activities of monasteries are considered. The analysis of state laws, decrees and definitions of the Synod, of the Spiritual Consistories was made, which allowed to determine the changes in the position of the monastic estate. The difference in the legal status of monks in male and female monasteries is revealed. The nature of the awards (canonical, liturgical, extra-liturgical) and the thanks of the Synod and the diocesan authorities to Orthodox monks are determined.

Keywords: monk, monastery, law, estate, clergy, awards, documents